

© 2007 г. В. В. ШАПОВАЛ

ЦЫГАНСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В РУССКОМ ВОРОВСКОМ АРГО?
(размышления над статьей акад. А.П. Баранникова 1931 г.)

В статье рассмотрен цыганский материал «Словаря жаргона преступников» С.М. Потапова 1927 г. В дополнение к 113 позициям, выявленным А.П. Баранниковым в статье «Цыганские элементы в русском воровском аргоне» (1931 г.), рассмотрены дефектные записи 24 фраз и словосочетаний, вероятно, на сэрвском и влашском диалектах, 3 случая контаминации в записи цыганских и тюркских числительных, 16 цыганских слов, распознаваемых по искаженным фиксациям. Вопрос о принадлежности этого материала русскому криминальному аргоне решается отрицательно.

С началом десятилетия 2005–2015 гг., объявленного в Европе десятилетием цыганской культурной интеграции, благодаря новым проектам стали доступны и лингвистические ресурсы ряда современных исследователей (Н. Борецки, Я. Матрас, Д. Хальвакс, П. Баккер, В. Элшик) [ROMLEX], которые позволяют уточнить некоторые положения, сформулированные в достаточно отдаленные от нас годы, но продолжающие владеть умами. Критическому анализу одного из таких положений посвящена настоящая статья.

Три четверти века назад в составе памятного русским арготологам седьмого выпуска сборника «Язык и литература» вышла в свет статья акад. А.П. Баранникова под названием «Цыганские элементы в русском воровском аргоне» [Баранников 1931: 139–158]. Она оказала беспрецедентное влияние на последующую традицию описания и изучения вклада цыганского языка в лексику криминального аргона и ряда других социальных диалектов в СССР и отчасти за его пределами [Костов 1956: 411–425; Бондалетов 1967: 235–243; Horgbatsch 1978: 10–11; Быков 1994: 9; 2005: 19; Грачев 1997: 82–85; Шаповал, Дьячок 1997: 62–63; Елистратов 2000: 643–645; 2005: 645–646] и др. Видный индолог, исследователь цыган в СССР и один из инициаторов проекта литературного цыганского языка 1920-х–1930-х годов, акад. А.П. Баранников при отборе и анализе жаргонного материала мог опираться на собственный опыт основательного изучения по крайней мере двух цыганских диалектов: северно-русского (московского) и сэрвского (восточно-украинского), а также других диалектов Южной России и Украины (в том числе говоры цыган-влахов)¹.

В его пионерской работе были идентифицированы как цыганские многие слова и отдельные фрагменты фраз, разработаны основы критики их непрофессиональной записи и опознания по ней фонетических признаков диалектов, что являлось бесспорным достижением, в сущности, полученным на лингвистической целине. Это был первый научный анализ большого списка цыганизмов, частные выводы которого во многом остаются актуальными и сегодня.

¹ Изучение этого разнообразного диалектного материала на первых порах не обошлось без оплошностей, например: «*me kal'bla o rat'á...*» в песне А.П. Баранниковым переведено как «Мы темной ночью...» [Баранников 1931: 141] (правильно: «Пусть чернеют ночи...» – В.Ш.). О.С. Деметер-Чарская, рассказывая недавно о визите А.П. Баранникова в театр «Ромэн» 1930-х годов, упомянула, что он стремился говорить с актерами по-цыгански, но, как ей запомнилось, его цыганская речь была далека от идеала (устное сообщение).

Вместе с тем ключевой тезис, которым открывается статья и обоснованию которого она была посвящена: «Из всех русских аргослов цыганские элементы выступают в качестве довольно полновесного компонента только в воровском языке» [Баранников 1931: 139]. – нуждается в кардинальной корректировке. Дело в том, что, хотя «цыганские элементы» в статье 1931 г. были впервые выявлены и изучены профессиональным лингвистом-индологом, однако вопрос обоснования их принадлежности русскому воровскому аргослову далеко не всегда был решен убедительно. В связи с этим приведем суждение В.Д. Бондалетова по сходной проблеме: «Прекрасный славист и финно-угровед, однако совершенно не знакомый с условными языками вообще и с русскими в частности, Э.А. Якубинская-Лемберг, естественно, не могла отличить ложные арготизмы от подлинных» [Бондалетов 1992: 19].

Прежде всего следует уточнить, материал каких источников был проанализирован. Автор статьи их называет: это три словаря [Трахтенберг 1908; Попов 1912; Потапов 1927] и «4. Картотека по русским аргословам Б.А. Ларина» [Баранников 1931: 145].

Третий словарь уникален как по обилию ошибок, так и по наличию массы цыганских слов и фраз. Это отметил и сам А.П. Баранников, сформулировав программу критики этого источника, лишь отчасти приведенную им в статье: «Прежде чем приступить к анализу цыганских элементов в русских аргословах, необходимо отметить, что определение цыганских элементов во многих случаях затрудняется по следующим причинам: 1) неправильная запись либо недостаточно внимательная корректура при печатании; 2) подчинение цыганских слов законам русской фонетики, чего не наблюдается обычно в цыганской речи, несмотря на двуязычность цыган и прекрасное знание большинством из них русского языка, притом это подчинение в аргослову проводится несистематически; провести границу между изменениями первой и второй группы во многих случаях весьма затруднительно, 3) неопределенность указываемых значений и 4) своеобразная этимологизация, видимо, допущенная собирателями» [Баранников 1931: 145–146].

Перечисление типов ошибок А.П. Баранников заключает следующим выводом: «Названными недостатками² особенно часто страдает третье из названных собраний, наиболее богатое цыганскими элементами» [Баранников 1931: 146]. Этот цыганский материал действительно почти отсутствует в первых двух словарях. В них в качестве немногих цыганизмов можно отметить только:

а) «Булда – педерастия» [Потапов 1927: 20], ранее «арестантское»: «Бульдá. Педерастия. <...>» [Трахтенберг 1908: 11], также: [Попов 1912: 21; Потапов 1923: 8, цит. по: СРВС 1983, II: 167] и др. Цыганская этимология довольно широко известна: от составного глагола *de-buje* 'coïter', ср. прич. ж. р. *bule-dini* 'prostituée' [Becker-Но 1993: 62, на *bol*], *mэ дав буэ* 'futurum' [Добровольский 1908: 48, 59], цыг. (северно-русс.) *бул м.* 'зад' + *дэ-* 'давать' [Баранников, Сергиевский 1938: 18, 43]. Также рассматривается как цыганизм в румынском: «The simple meaning is still expressed in Romanian *te bulesc*. It is used towards women in a sexual context and towards men in a fight to mean «I'll beat you up». One person even mentioned *abule* «to fuck» in one word». – «Первичное значение все еще проявляется в румынском глаголе *te bulesc*. Он употребляется по отношению к женщине в сексуальных контекстах, а по отношению к мужчине в драке вместо «Я тебя побью». Один информант упоминал даже глаг. *abule*, означающий попросту «to fuck»» [Leschber 1997: 157].

² С.М. Потапов не считал эти ошибки недостатками своего словаря: «Следует, однако, отметить, что по сравнению со словарем культурных языков «блатная музыка» имеет некоторые особенности, которые по неведению могут быть приняты за недостатки издания. Дело в том, что преступный мир пишет слова так, как их произносит и как умеет их воспроизвести на письме в зависимости от степени грамотности. Поэтому в чисто практических интересах было бы нецелесообразно установить филологическим путем их истинные корни, приставки или окончания, и их пришлось поместить в таком виде, в каком они непосредственно были почерпнуты из жизни» [Потапов 1927: 4-5].

А.П. Баранников не заметил это заимствование из цыганского, а оно несет следы основательной адаптации, первичное [л']-мягкое, позднее замененное на [л]-твердое, похоже, указывает на посредство какого-то европейского источника и, вероятно, усвоение в русском языке уже адаптированного слова.

б) «**Ракло**, – босякъ, юж<ное>» [Попов 1912: 73]. Цыганская этимология, предполагающая перенос 'нецыганский парень' > 'бродяга, вор', солидно обоснована: [Баранников 1931: 139, 154; Добродомов 1996: 136–137; Тиханов 1895: 20–21] и др.

с) Возможно, «**Хавать**, – ѣсть» [Попов 1912: 90]. Кстати, не опознанное С.М. Потаповым в 1923 г.: «**Хватать** – есть» [Потапов 1923: 61, цит. по: СРВС 1983, II: 220]. Ср. также ошибочное «**Хазать** – обедать» наряду с правильным «**Хавать** – есть» во втором издании словаря [Потапов 1927: 176, 175]. О цыганском источнике см. [Баранников 1931: 150–151, 156].

Методом исключения можно определить, что лишь на основе картотеки по русским аргю Б.А. Ларина³ в статье А.П. Баранникова анализируются всего три позиции:

а) «г а м о 'хомут'» < цыг. «hamó 'хомут' (из румынск.)» [Баранников 1931: 156]. В некоторых цыганских диалектах представлено румынское *ham* 'хомут', однако, вопреки записи А.П. Баранникова, всюду с безударным окончанием -о, как и в других заимствованных в цыганский существительных м. р., напр.: северно-русское **гáмо** [<мн. ч.> гáмы] м хомут [Баранников, Сергиевский 1938: 33] / **ghámo** n t horse collar [хомут], кэлдэрарское **hámo** n t хомут, ловарское **hámo** n t harness [сбруя]⁴.

б) «д з е т 'берегись'» < цыг. «dzet 'масло'»; [Баранников 1931: 157]. Думается, «д з е т 'берегись'» – от *зетить*, *зэтить* 'смотреть' [Мокиенко, Никитина 2000: 224, 228]. Кроме того, цыганское (северно-русское) *дзэт* значит 'растительное масло' [Баранников, Сергиевский 1938: 36, 56; Manush 1997: 53]. Между тем как *масло 'сигнал опасности', не фиксируемое в русских жаргонных словарях, сопоставимо скорее с немецким жаргонным *Butter* 'надсмотрщик, надзиратель' < 'сливочное масло' [Ларин 1931: 127; Wolf 1956: 67–68, № 801].

в) «д а р а ш л я 'иди подальше'» < цыг. (сэрвское) «daranó sl'a или daran sl'a 'стало страшно, испугался'» [Баранников 1931: 153]. А.П. Баранников и сам весьма сдержанно оценивал эту свою этимологическую версию, допускающую элизию ударного слога [пó]: «Необходимость допустить неправильность записи и неточность значения, что, правда, случается весьма часто в третьем из названных пособий, внушает значительные сомнения в возможности подобного понимания» [Баранников 1931: 153]. Из этого же комментария как будто следует, что выражение обнаружено в словаре С.М. Потапова 1927 г. («в третьем из названных пособий»), что неверно. Представляется более убедительным прочтение записи «д а р а ш л я 'иди подальше'» не на основе диалекта сэрвов, как это сделано А.П. Баранниковым, а на основе влашского (напр., кэлдэрарского): **дур ашиляя!** / **dur ašil'án!** 'отстал! (ты)', т.е. 'отстань', букв.: 'далеко отстал (ты)!' Эта гипотеза требует менее радикальных фонетических допущений, а именно: восприятие слабоударного [у] как [ъ] (графически *a*) и безударного [и] как [ʔ], а также утрата или неразличение конечного носового [н], как в *настишино* (см. ниже № 13).

Существенно, что обильный цыганский лексический материал словаря 1927 г. незадолго до этого не был известен и самому С.М. Потапову. В его словаре 1923 г. новым, если это цыганизм, является только: «**Мента** – задний ход» [Потапов 1923: 31, цит. по: СРВС 1983, II: 190]. Позже написание было, вероятно, уточнено: «**Менжа** – задний ход» [Потапов 1927: 91], однако толкование осталось неизменным. Поэтому вряд ли оправда-

³ По поводу этих картотек у В.В. Колесова встречается попутное замечание: «По разным причинам эта работа <изучение социолингвистики города> была прервана, картотеки рассыпаны или разграблены» [Колесов 1991: 3]. Вряд ли сегодня можно восстановить состояние этой картотеки аргю на 1931 г.

⁴ Цыганские слова в латинской транслитерации, если нет иных отсылок, взяты из базы лексикографических данных сайта ROMLEX [http://romani.uni-graz.at/romlex]. При них пометы «латышское», «словацкое» и т. п. означают соответствующий цыганский диалект.

на анатомическая переформулировка толкования А.П. Баранниковым, внесенная с неоговоренной правкой: «менжа 'задний проход'» < цыг. «manja 'vulva'» [Баранников 1931: 155]. Думается, 'задний ход' здесь означает 'отступление, проявление страха, малодушия'. Прямой перенос 'vulva' > 'испуг' вполне вероятен. Ср. современное жаргонное *менжа* 'страх, испуг' [Мокиенко, Никитина 2000: 345], от цыг. *mindž n f female genitals, vulva* (мн. ч. *mindžá*) [Manush 1997: 87]⁵.

На этом мало впечатляющем фоне цыганские слова и фразы, выявленные А.П. Баранниковым в словаре Потапова 1927 г., представляются весьма значительным по объему дополнением. Приведем их списком с необходимыми комментариями и сознательным сохранением всех авторских сигналов сомнения, которых довольно много. (Номер страницы по статье А.П. Баранникова дан в ломаных скобках: <146>; в случае разночтений с источником в круглых скобках приведена запись М.С. Потапова; звездочкой отмечены те позиции, которые были взяты в список цыганизмов из статьи Баранникова Олексой Горбачем (заслуживают внимание и необъясненные им пропуски) [Horbatsch 1978: 10–11]: ¹) а в ы л о 'довольно' – *avéla* 'будет' <147>*; ²) а к т о – цыг. *októ* (из греч.) 'восемь' <147, 148>*; ³) а к т о д ы ш а 'восемьдесят' («**Актодыша** – 80» [Потапов 1927: 7]) – цыг. *oxtó deša* 'восемьдесят' <148>*; ⁴) б а л а в а с , б а л а б а в <sic! Потапов не дает. Горбач правдоподобно поправил: *балабаз* [Horbatsch 1978: 10]>, б а л а л а с 'сало'; б а л я с и н а 'колбаса' – *baľó* 'свинья, боров', *baľavás* 'сало' <156>*; ⁵) б а р н о 'хорошо', при: п а р н я к («**Парняга, парняк** – 25 рубл.» [Потапов 1927: 112]) – *rapó* 'белый' <147>*; ⁶) б а р о (р а й - б а р о 'агент угрозыска') – *baró* 'большой', *raĭ baró* 'большой барин, большой начальник' <157>; ⁷) б е т а 'барышня' – инд. *beĭ* 'девочка', в наличных цыганских говорах не известно, но могло быть случайно не зарегистрировано <154>*; ⁸) б и ш т о - п а н ч 'двадцать пять' («**Биштопайч** – 25» [Потапов 1927: 12]) – цыг. *bištupáncĕ* 'двадцать пять' <148>*; ⁹) в а н а (он, она, [Потапов 1927: 23] – в южноцыганском диалекте *voj*, 'она', *voné* 'они' <147, 149>*; ¹⁰) в ы д ж и н у, в выражении п ы с о м а н в ы д ж и н у 'доказан' («**Пысоман выджину** – доказан» [Потапов 1927: 133]), восходит к глаголу *vĭjínés* 'вызвать, узнать' <152>; ¹¹) г а м о 'хомут' <у Потапова нет> – *hamó* 'хомут' (из румынск.) <156>*; ¹²) г о р о н и («**Горуни** – корова» [Потапов 1927: 38]) – *gugŋ'í* 'корова' <147, 155>*; ¹³) г р а (г р и), г р а й , г р а с 'лошадь' – *gra, graĭ, gras* 'лошадь, конь' <155>*; ¹⁴) г р а с н и 'кобыла' – *grasn'í* 'кобыла' <155>*; ¹⁵) г у н о 'мешок' – *gonó* 'мешок' <147>*; ¹⁶) д а д о л ы н е м – пони, вместо д а п о л и н е, р о ĭ í n é 'поняли' происходит из северноцыганского диалекта (Горбач включает в жаргон исправление Баранникова: «*полыне* поняли» [Horbatsch 1978: 11]) <150>*; ¹⁷) д а й м а н 'дай мне' («**Дай ман понырдать** – дай покурить» [Потапов 1927: 41]) – цыг. *de man(di)* 'дай мне' <150>*; ¹⁸) д а р а ш л я 'иди подальше' <у Потапова нет>: при допущении цыганского происхождения... можно видеть *daranó sl'a* или *daran sl'a* 'стало страшно, испугался' <153>*; ¹⁹) д а т 'отец' – *dat* 'отец' <154>*; ²⁰) д е й 'мать' – *dej* 'мать' <154>*; ²¹) д е к а т ь 'дать', 'давать' и д и к н и 'дай' – *te dés* 'дать, давать' <150>*; ²²) д е ш 'десять' – *deš* 'десять' <148>*; ²³) д е ш о п а н ч у 'пятнадцать' («**Деш-опачу** – четырнадцать» [Потапов 1927: 44]) – *dešuráncĕ* 'пятнадцать' <148>*; ²⁴) д е ш - д у й 'двенадцать' – *dešudúĭ* 'двенадцать' <148>*; ²⁵) д е ш е и е к 'одиннадцать' («**Дешейек** – одиннадцать» [Потапов 1927: 44]; «**дешенек** 11» [Horbatsch 1978: 10]) – цыг. *dešuyék* 'одиннадцать' <148>*; ²⁶) д е ш - т р ы н 'тринадцать' – *dešutrín* 'тринадцать' <148>*; ²⁷) д ж ю к а л 'собака' – *jukéĭ, jukĭb* 'собака' <147, 155>*; ²⁸) д з е т 'берегись' <у Потапова нет>, з е т и т ь 'смотреть зорко, озираться, умамливать' <'умамливать' у Потапова нет> – *dzet* 'масло' <растительное. –

⁵ Ср. также две соотносительные словарные статьи у В.И. Даля: «**ОМАНЖА?** об. ирк. боязливый, пугливый человекъ; см. *оминзра*»; «**ОМИНЗРА?** об. вост.-сиб. боязливый, страшливый, трусливый человекъ». То же сл<о>в<о> писано *оманжа* (см. выше); что-нибудь да не такъ» [Даль, 1882, II: 694, 695]. Ранее то же с ударением на о-: **ОМАНЖА** [Даль, 1865, II: 1250], которое было снято или утрачено. Нельзя исключить, что от цыг. формы мн. ч. *mindžá* с препозитивным артиклем *o* или повелительным наклоном *ha* 'ешь', ср.: «**Ха** <*mindž!*> 'loti rupjš izteiciens/utterly vulgar expression'» [Manush 1997: 87].

В.Ш. <157>*; ²⁹⁾ долыно 'плохой' («Долы-но – плохой» [Потапов 1927: 46]) – di'ino 'глупый' <147, 157>*; ³⁰⁾ до х а т ь 'убить' – te doxás 'доесть, погубить' <151>*; ³¹⁾ д р а - б е р и т ь 'играть в карты' («Даберить – играть в карты» [Потапов 1927: 41]; Горбач включает в жаргон исправление Баранникова [Horbatsch 1978: 10]) – te draba kirés 'ворожить, гадать на картах' <152>*; ³²⁾ д у е к , д у й 'два рубля' – duj 'два' <148, 149>*; ³³⁾ д ы к х е н п о м а н 'смотри на меня' (Дыкхен пошан – «смотрит» [Потапов 1927: 47]) – di'kxén pe maп 'смотрите' или 'смотрят на меня' <150, 152>*; ³⁴⁾ ж е 'условный пароль воров' – te jas 'иди' <147, 152>; ³⁵⁾ з а к р а с т е н (возможно, опечатка) – za grastén 'за лошадей' <147>; ³⁶⁾ з а м а р ч и т ь 'схоронить' – te zamarés 'забить' <151>*; ³⁷⁾ з а х а м н и т ь , з а х а м н и ч а т ь 'задержать, взять и не отдать', з а х а м и т ь 'зажиливать, зажуливать' («Захамить, захамничать – задержать; взять и не отдать» [Потапов 1927: 56]) – te xas 'есть, кушать' с русским префиксом <151>*; ³⁸⁾ и н я 'девять рублей' – цыг. (из греч.) уеп'á, уип'á 'девять' <148, 149>*; ³⁹⁾ н е к а л и м к а 'черный хлеб', несомненно, вместо н а к а л и н ь к а , что значит 'на черненького' (хлеба); к а л и н ь к о (на к а л и н к а 'черный хлеб') – ka'ib, kalin'kó 'черный, черненький' <146, 157>*; ⁴⁰⁾ к а м о 'идите', видимо, к а т е 'ко мне' <150>*; ⁴¹⁾ к а р а , к а р у ш а 'мужской половой орган'; х о р ь 'мужской половой орган' – kar, ker 'penis' <155>*; ⁴²⁾ к о м ы л 'украл' – видимо, к т e k a m é s 'хотеть, любить' <153>*; ⁴³⁾ л а в а , л а в ь е 'деньги' – 'ibvé 'деньги' <156>*; ⁴⁴⁾ л а р ы н а н ы 'нет денег' («Лары-на-ны – нет денег» [Потапов 1927: 81]) <146>; ⁴⁵⁾ л а ч , л а ч е / о 'хорошо' – 'as'ó 'хороший, хорошо' <157>*; ⁴⁶⁾ л о в а к 'лошадь, извозчик'; л о в а ш н и к 'конокрад'; л о в (и) у х а 'товарная лавка' – некоторое сомнение вызывает признание цыганского происхождения от 'ibvé 'деньги' <157>*; ⁴⁷⁾ л я р в а 'проститутка' – 'arva 'проститутка' <154>; ⁴⁸⁾ м а н д р а / о 'хлеб' – mandró 'хлеб' <156>*; ⁴⁹⁾ м а р а т ь 'убивать' – te mares 'бить, убивать' <151>*; ⁵⁰⁾ м е н ж а 'задний проход' ('задний ход' [Потапов 1927: 91]) – manjá 'vulva' <147>*; ⁵¹⁾ м и н ж а 'женские половые органы' – manjá 'vulva' <147, 155>*; ⁵²⁾ м и ш т о 'хорошо' – m'istó 'хорошо' <157>*; ⁵³⁾ м о р а 'цыган' – móre 'друг, цыган' или, точнее, 'мой' <154>*; ⁵⁴⁾ м о р а т ь 'убивать' и др. – te marés 'бить' <147>*; ⁵⁵⁾ м о р д о – mardó 'рубль' <147, 156>; ⁵⁶⁾ о т р у ж и н д ы – goméndir, goménde 'от цыган' / 'у цыган' <146>; ⁵⁷⁾ п а н ч 'пять' (в бишту панч 'двадцать пять') – цыг. rapč 'пять' («Биштопайч – 25» [Потапов 1927: 12]) <148>*; ⁵⁸⁾ п а р - н я к (д в а п а р н я к а '50 руб.') – rapó 'белый, два парняка значит 'две беленьких' <157>*; ⁵⁹⁾ п о д л а ч и т ь 'подметать <sic!>' («Подлачить – подметить» [Потапов 1927: 121]), возможно, от 'as'ó 'хороший, хорошо' <152>*; ⁶⁰⁾ п о м а р а т ь 'убить, украсть' – te romarés 'побить' <151>*; ⁶¹⁾ п х е н ь 'сестра, брат' – рхеп 'сестра' <154>*; ⁶²⁾ п ы х в о р а 'на базар' («Пыхвара – базар» [Потапов 1927: 133]) – ре хвóго 'на базар' <147>*; ⁶³⁾ р а й 'притон разврата, милиция' – raj (восходящее к древнеинд. gaja), 'барин, начальник, милиционер, начальник тюрьмы' (ра й в смысле 'притон разврата', очевидно, заимствовано из русского языка, и оба значения объединены вследствие одинакового звучания русского и цыганского слова) <154>*; ⁶⁴⁾ р а й - б а р о 'агент угрозыска' – raj baró 'большой начальник, большой барин' <154>*; ⁶⁵⁾ р а к л о 'вор' – rak'ib 'парень, русский' <154>; ⁶⁶⁾ р а с п х а н д а , в выражении в с а р а с п х а н д а 'дознание <sic!>' («Всараснахенда – сознание» [Потапов 1927: 32]), означает 'рассказал' (в с а р а с п х а н д а 'все рассказал'), от те рхепés 'говорить, сказывать' <152>*; ⁶⁷⁾ р а с ч е н д ы 'расписка' – gosčind'í 'расписка' <152>*; ⁶⁸⁾ р о д и т ь 'раскрывать дело', по-видимому, восходит к цыганскому те godés 'искать, находить' <152>*; ⁶⁹⁾ р о к л о 'вор' – rak'ib 'парень, мальчик' <147>; ⁷⁰⁾ р у н н и 'женщина' – гопн'í 'женщина, цыганка' <147, 154>*; ⁷¹⁾ с г а - м а т ь 'арестовать' – возможно, к те хас 'есть, кушать', в котором на месте х является g, в южном произношении h <151>*; ⁷²⁾ с и н 'есть' (в выражении э к с и н) представляет неизменную форму настоящего времени вспомогательного глагола sin, si 'есть' <152>; ⁷³⁾ с м а р а т ь 'стащить*, украсть, убить' – te smarés 'сбить' <151>; ⁷⁴⁾ с у н а к у н и 'золото' («Санакуни – золото» [Потапов 1927: 139]) – sumnák 'золото', sumnakunó 'золотой' <156>*; ⁷⁵⁾ т р ы н 'три' (в д е ш - т р ы н 'тринадцать') – tin 'три' <148>*; ⁷⁶⁾ т ы г а р и 'лошадь' – tagár'i (из тур.) 'царь' <147>*; ⁷⁷⁾ т ы р а 'загородить', т ы р и т ь 'воровать', 'красть', т ы р и т ь 'отвлекать внимание жертвы', т ы р и т ь 'толкать, красть, подзадо-

ривать', тыриться, протыриться 'лезть, пробираться', затыривать 'начинать', затырять 'спрятать', тыр, тыц 'сигнал помощнику, который дает карманщик, когда схватил бумажник пальцами', после чего первый начинает тырить, тыренное 'краденые вещи' – по-видимому, восходят к цыганскому глаголу *te terés* 'держат, имеют, брать, ждать' и т.д.,⁷⁸⁾ тырка 'воровство', тырбань 'предмет добычи', тырбанка 'дележ добычи', тырбаж 'краденые вещи' и др. – *teribé* 'выстоянное, полученное', от *te terés* 'держат, имеют, брать, ждать' <153>*;⁷⁹⁾ укхер 'дом' («Укер – дом» [Потапов 1927: 169]) – *okher* 'дом', где *o* – член муж. рода, вошедший в цыг. язык из греческого <156>*;⁸⁰⁾ ухрять, ухривать 'спасаться, скрываться' и прихрять 'приехать' – от глаголов *urx'igés* 'уходить, уйти', *pr'irx'igés* 'приходить, прийти', которые, впрочем, мало употребительны <вообще этот глагол обозначает пешее хождение по способу, а не по направлению. – В.Ш.> <151>;⁸¹⁾ хавва 'рот'; хавало 'лицо'; хавалка, хавка 'пища, кушанье'; хавва 'взятка' («Хала – взятка» [Потапов 1927: 176]) – *te ha* 'кушать, есть'. Хала ... легко объясняется как форма от прич. пр. вр. *haľb* 'соединенный' <читать 'съеденный'. – В.Ш.> <156>*;⁸²⁾ хавало 'рот' – *te ha* 'есть, кушать' <155>*;⁸³⁾ хавать, хамать 'есть, кушать', несомненно, восходят к цыганскому глаголу *te xás* 'есть, кушать' <150>;⁸⁴⁾ хавир 'посторонний человек' – возможно, от *av'ig, aver, vav'ig, hav'ig* 'другой, второй' <149>*;⁸⁵⁾ ханвдыре 'церковь'; несомненно, вместо хандыри (вольная этимологизация), от *kxand'ir'í* 'церковь' <146, 165>*;⁸⁶⁾ хандырить 'ходить' – от слова *kxandir'í* 'церковь' и буквально означает 'ходить по церквям', а не просто 'ходить' <153>*;⁸⁷⁾ хилять 'идти, уходить', возможно, восходит к глаголу *te rx'igés* 'ходить, бродить, бегать' <151>*;⁸⁸⁾ хирить 'пользоваться для педерасти, иметь половое сношение, обирать, просить' («Харить – пользоваться для педерасти» [Трахтенберг 1908: 63]; а также: 'иметь половое сношение; обирать; просить' [Потапов 1927: 177]), возможно, от *hağ* 'дыра, дырка' <153>*;⁸⁹⁾ хорь (кара, каруша) 'мужской половой орган' – *kağ, keğ* 'penis' <147>*;⁹⁰⁾ хорь 'женщина'; хорек 'женщина, намеченная для полового удовлетворения' – *hağ* 'дыра, дырка' <155>*;⁹¹⁾ хрять 'бежать' (по Крестовскому и другим, 'идти'), по-видимому, восходит к цыганскому *te rx'igés* 'ходить, бродить, бегать' <151>*;⁹²⁾ чардо и др. – *čordb* 'краденый' <147>;⁹³⁾ чардовать 'красть', чердованный 'ворованный' восходят к цыганскому причастию прошедшего времени *čordb* 'украденный' и к глаголу *te čogés* 'красть, воровать' <147, 151>*;⁹⁴⁾ чинава 'зарезать' – форма 1-го лица ед. числа наст. вр. от глагола *te čipés* 'резать, писать', *čipáva* означает 'режу, зарежу' <152>*;⁹⁵⁾ чирик со значением '25 рублей' – *čirikľb* 'птица, воробей', получило значение 'четверть' и 'двадцать пять' под влиянием иранского *čigek* 'четверть' <149>;⁹⁶⁾ чувиха 'проститутка' – *čavb* 'мальчик', следовательно чувиха означает 'мальчишка девочка' (в смысле 'проститутка') <154>*;⁹⁷⁾ чукич 'кнут' – *čukn'í* 'кнут' <156>*;⁹⁸⁾ чунарь 'деревенский; милиционер' – *čukn'í* 'кнут', *čuknár'í* 'палач', *čirnog'í* 'палочка'. Цыганская этимология с точки зрения аргументации достаточно удовлетворительно объясняет только второе значение. <156>*;⁹⁹⁾ шеро 'голова' – *šegb* 'голова' <155>*;¹⁰⁰⁾ шибшала 'уличный карманный воришка' – из *ši* или под ударением *ša* ('тише, молчи') + цыганское *ršala* 'братья, братцы' <155>;¹⁰¹⁾ шкар (шкар лево 'левый брючный карман'; шкар право 'правый брючный карман'); шкер, шкеры 'брюки' – можно предполагать цыганское происхождение от *šukár, šukír* 'красивый, прекрасный'; карман или брюки могли быть так названы потому, что из брючного кармана легко выкрасть <157–158>*;¹⁰²⁾ шкир-ла 'сожительница воров' – можно предполагать цыганское происхождение от *šukár* 'красивый, прекрасный, красавец' <157–158>*;¹⁰³⁾ шов 'шесть' – *šoc* 'шесть' <148>*;¹⁰⁴⁾ штар 'четыре рубля' – *štar* 'четыре' <148, 149>*;¹⁰⁵⁾ шурье 'краденые вещи' – возможно, к *te čogés* 'красть, воровать' <147, 151>*;¹⁰⁶⁾ шухир, шухор 'попались; момент, когда поймавшийся вор сумел вырваться из рук поймавших его' – пример неопределенности и неясности значений, от *šukár, šukír* 'красивый, прекрасный' (нигде прямо не сказано, что от *šukár, šukír* 'красивый, прекрасный', но сам факт рассмотрения слова указывает, видимо, на это. – В.Ш.) <146>;¹⁰⁷⁾ эйя 'девять', опечатка, ср. и ня '9 рублей' и эня дыша '70' («Энядыша – 90» [Потапов 1927: 194]) <146, 148>;¹⁰⁸⁾ эк,

э к с и н 'довольно' – цыганское у е к 'один, одна, одно' или 'одно и то же' <148>*;¹⁰⁹⁾ э к к а л о '1 руб.' – у е к 'один' <147, 148>*; ¹¹⁰⁾ э н я 'девять' <148>*; ¹¹¹⁾ э н я д ы ш а («Энядыша – 90» [Потапов 1927: 194]) – у е н 'á deša '90' <147, 148>*; ¹¹²⁾ э ф т о 'семь' – цыг. (из греч.) у е f t á 'семь' <148>*; ¹¹³⁾ э ф т о д ы ш а 'семьдесят' [«Эфтодыша – 70», Потапов 1927: 194] – цыг. у е f t á deša 'семьдесят' <148>*.

Таким образом, свыше ста новых позиций словаря 1927 г., опознанных в качестве цыганских элементов А.П. Баранниковым, впервые и одновременно появились именно в этом источнике. Этот прирост цыганизмов в одном словаре в десятки раз превышает все, что можно было обнаружить во всех вышедших ранее 1927 г. жаргонных словарях русского языка. К этому следует добавить, что в действительности цыганский слой в этом словаре оказывается еще более значительным, поскольку А.П. Баранниковым не был проанализирован цыганский материал двойного рода. Во-первых, более или менее полные фразы и словосочетания в непрофессиональной записи на слух были предположительно опознаны А.П. Баранниковым как цыганские, но не анализировались по причине некачественной записи и потому что, с его точки зрения, «трудно считать их постоянными компонентами аргю» [Баранников 1931: 158]. Во-вторых, некоторые новые для жаргонных словарей слова и выражения в этом источнике вообще не были распознаны А.П. Баранниковым как цыганские: а) контаминированные (в записи) числительные; б) отдельные слова, существенно искаженные в записи. Их анализ также позволяет увеличить цыганский материал, представленный в источнике 1927 г.

I

ЦЫГАНСКИЕ ФРАЗЫ И СЛОВСОЧЕТАНИЯ В НЕПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЗАПИСИ НА СЛУХ

Вывод А.П. Баранникова о том, что эти фразы не принадлежат к русскому аргю [Баранников 1931: 158], трудно оспорить, впрочем, как и принять его решение игнорировать эту часть материала. Ведь в источнике и та часть материала, которая «исковеркана», обладает определенной информативной ценностью. Кроме того, пока не проведен анализ, делать вывод о том, что именно в источнике является перспективным, а что нет, преждевременно.

В словаре 1927 г. описано около 3700 позиций. На этом фоне 24 цыганские фразы и словосочетания не являются значительным материалом, однако в словаре такого рода они появились в первый и (большая их часть) в последний раз. А.П. Баранников чаще фрагментарно анализирует и объясняет 10 из них, пренебрегая остальными. Получается, что единственным основанием для заключения о наличии в в о р о в с к о м аргю тех или иных лексических элементов обнаруженной в источнике 1927 г. цыганской фразы является следующий весьма спорный критерий: смог ли сходу профессионал-индолог понять ее единственную непрофессиональную запись, выполненную на слух человеком, не владевшим цыганским языком. С этим трудно согласиться. Рассмотрим внимательно весь этот материал.

1) Первая цыганская фраза: «**Батенни грас жен** – приемщик краденых лошадей» [Потапов 1927: 12] – содержит сегмент *грас*, отождествленный А.П. Баранниковым с существительным м. р. 'лошадь' [Баранников 1931: 147, 155], однако целиком фраза осталась не разобранной. «Нигде пока не квалифицировано как цыганизм словосочетание *батенни грас жен* 'приемщик краденых лошадей' [Потапов 1927: 12], отмеченное среди многих сомнительных по степени освоенности цыганских вкраплений в словаре криминального аргю 1927 года» [Шаповал, Дьячок 1997: 62–63]. На его месте довольно надежно прочитывается цыганское (кэлдэрарское или шире влашское) *битиндэ грастэн 'продавшие / продали (они / вы) лошадей', ср. [Баранников, Сергиевский 1938: 16, 32; Деметер 1990: 37, 54]. Чтение восстанавливается, исходя из визуального смешения *a* – *u* в **батенни** и *ж* – *m* в **жен**, фонетического неразличения записавшим предударных [’э] и [’и] (а также порой и ударных [э] и [ы], [’э] и [’и]), ассимиляции группы [н’д’] в [н’н’] в про-

изношении информанта. Понятно, что включать это словосочетание в аргосский конокрадов на основании одной сомнительной фиксации и «восстанавливать» три удара *батённи грás жён* без предварительного этимологического анализа довольно рискованно, ср. [Грачев 1997: 14; 118]. Толкование «приемщик краденых лошадей» приходится признать вполне неточным.

В том же источнике есть фраза, как будто продолжающая ту же тему: «**Крастен чугуна кхунано жабак** – лошадь, купленная с правильными документами» [Потапов 1927: 75]. См. ниже (№ 10). Если эти фразы связаны, то не исключено чтение **ба тиндэ грастён* «уже купили (они / вы) лошадей».

2) Следующая фраза, скорее всего, должна рассматриваться вместе с двумя другими: «**Бут гадженапо** – много народа на рынке» [Потапов 1927: 21] + «**Пыхвара** – базар» [Потапов 1927: 133] + «**Савостьяка** – много людей» [Потапов 1927: 138]. Реконструкция: **бут гадженъпó пэ хв°ára* «много мужичья на рынке» / *савó стíко* «вот столько!». Вычлениются цыганские слова: *бут* – много, *гадженъпó* – собирательное от *гаджé* «нецыган, русский, мужик, крестьянин», *пэ, прэ* – на, *фóро* м. «город, базар» (с украинской заменой [ф] группой [хв] и, возможно, с восходящим дифтонгом типа румынского [оá] под ударением), *савó* – какой / каково, а также *стíко* – укр. *стíльки* «столько» в разговорном произношении. Очевидно, обмен репликами зафиксирован на рынке. А.П. Баранниковым одна из этих записей приведена с неоговоренными исправлениями в толковании и написании: «пы хвора «на базар» < цыг. «ре хвóго «на базар»» [Баранников 1931: 147]. Однако неточное толкование у С.М. Потапова («**Пыхвара** – базар» [Потапов 1927: 133]) позволяет восстановить метод работы с полевыми записями цыганских разговоров при распределении материала по словарным статьям жаргонного словаря. Видимо, такого же рода неточность в «нарезке» привела также к появлению словарной статьи «**Пхень** – брат, сестра» [Потапов 1927: 132], возникшей из записи типа цыг. **п(х)рал, пхень* – брат, сестра. В этом случае А.П. Баранников также не оговорил свое исправление порядка толкований: «*п х е н ь* «сестра, брат» < цыг. «рхеп «сестра»» [Баранников 1931: 154].

3) «**Всараснахенда** – сознание» [Потапов 1927: 32]. Цыг. «*в с а р а с п х а н д а* «все рассказал»» [Баранников 1931: 152], или «рассказала». Отражение придыхательного [пх] в виде дополнительного слога весьма необычно. Можно рискнуть прочесть и так: **всáрэс нá хиндя́* «*ompiu pop sasavit*», где *всá<во>рэс* «вовсе, совсем» (от цыг. сэrvского «*всáворо* [<ж. р.> *всáвори*] = *сарó* весь» [Баранников, Сергиевский 1938: 22]), *на* «не», *хиндя́* – перфект 3 л. ед. ч. от *хнэл* «сасо», ср.: латышское *xñel v itr* defecate, shit, словацкое *xinel v itr* shit (vulg.). Не имелось ли в виду (с учетом такого прочтения) мужественное «непризнание вины», выраженное фигурально посредством метафоры «дефекация» > «страх»? Ср. также: «**Не потруйся** – «сознавайся»» [Потапов 1927: 108], не рассматриваемое А.П. Баранниковым, но которое можно сравнить с цыг. северно-русским «*путравэс тэ* [путрадём] распороть» [Баранников, Сергиевский 1938: 110], *putravêla v tr* unstitch, rip open; ср.: латышское *putravel v tr* open by tearing or breaking smth., e.g. a sack; урсарское *putrel v tr* rip up; кэлдэрарское, ловарское *putrel v tr* 1. open 2. untie. Корень *путр-* значит «развязывать» и пр. В таком случае возникает еще раз повод исправить толкование «сознавайся» с точностью до наоборот: **не потруйся** «не признавайся».

4) «**Дадолынет** – пони» [Потапов 1927: 41]. А.П. Баранников дал такой критический комментарий: «В третьем из названных пособий мы находим выражение *да долынем* <sic!> – пони. Тут, видимо, ошибка и в слове аргосском и в передаче русского значения. Совершенно очевидно, что понятие *пони* совершенно чуждо интересам аргосского. Выражение аргосское, по-видимому, обозначает «да, поняли, да, понимаем», чему соответствует цыганское *da, ро́йпé* [точнее: «они или вы поняли». – В.Ш.], таким образом *да долынем* стоит вместо *да полине*» [Баранников 1931: 150]. Или, учитывая возможный макаронизм реплик, вместо **да дылынэ, понял?* «эти дураки, понял?», ср.: «**Долы-но** – плохой» [Потапов 1927: 46] (с выделением дефисом якобы русского противительного союза *но?*), цыг. (северно-русск.) *дылынó* «плохой; дурной; глупый». Конечное *-т* неясно.

5) «**Дай ман понырдать** – дай покурить» [Потапов 1927: 41]. Комментарий А.П. Баранникова: «Косвенные формы этого местоимения <мэ 'я'> мы имеем в фразах: *дай*

ман 'дай мне', цыг. *de man(di)*, и дыкхен поман 'смотри на меня'. В цыганском языке фраза *díkhén re man* означает 'смотрите' или 'смотрят на меня'» [Баранников 1931: 150]. Оставленное без внимания **понуьрдэть** можно прочесть как *потырдать, от цыг. северно-русск. **потырдэла** 'покурит' / *potirdêla v tr/itr 1. smoke*.

6) «Джуга мартхаш тыни – выпить самогонки» [Потапов 1927: 44], *чху^м гамір^а тх^з аштыні 'ставь «гомыру» и остатнюю' / укр. 'став «гоміру» й остáнню', где цыг. чху(в) (с твердым [чх]) 'ставь, клади'; русск. жаргонное *гамара, гамура, гамьира* – 'крепкое спиртное' [Потапов 1927: 35], *тх* вариант союза *тхэ* 'и' перед гласным следующего слова; *ашчыні / ачхыні – форма ж. р. ед. ч. *ačh-in-i / ačh-il-i* причастия от глагола *ačh-* 'оставаться'. Приходится признать, что для человека, который, судя по сегментации текста, цыганским не владел, фонетически запись весьма точна.

7) «Донет курды – баран» [Потапов 1927: 46]. Восстанавливается гадательно чтение *до / дро нáк^х курды 'в нос трахнутая'.

8) Дыкхен пошан – «смотрит» [Потапов 1927: 47]. Комментарий (с неоговоренными исправлениями): «<...> дыкхен поман 'смотри <sic!> на меня'. В цыганском языке фраза *díkhén re man* означает 'смотрите' или 'смотрят на меня'» [Баранников 1931: 150].

9) А.П. Баранников идентифицировал первую часть записи: «Закрастен паркун – арестован за кражу лошадей» [Потапов 1927: 53]. Ей в соответствие он ставит предложно-падежное сочетание на «смешанном» русско-цыганском языке: «*za grastén* 'за лошадей'» [Баранников 1931: 147]. С учетом смещения д – з (ср.: «Визный – хороший» [Потапов 1927: 28] <видный?>) возможно и прочтение цыг. *да грастэн 'этих лошадей'. Второе графическое слово **паркун** остается неясным.

10) Тот же сегмент «**крастен**» (косвенная основа мн. ч., равная вин. п. мн. ч. одушевленного существительного) обнаруживается в другой фразе: «**Крастен чугун кхунано жабак** – лошадь, купленная с правильными документами» [Потапов 1927: 75]. Недавно М.А. Грачев не вполне точно процитировал последнюю запись в качестве примера выражения конокрадов, в котором встречаются цыганские корни: «*крастен чугун кхунано жабак* – лошадь, купленная с настоящими (не фальшивыми) документами» [Грачев 2005: 128]. Однако именно по поводу таких «исковерканных» фраз А.П. Баранников заключил, что «трудно считать их постоянными компонентами аргос» [Баранников 1931: 158]. Помимо вышерассмотренного «**крастен**» здесь можно с некоторой долей вероятности усмотреть и другие цыганские слова: «**чугун**» – цыг. (кэлд.) *чячю[й]у* <*чячю[н']у* 'правильная' (согласуется по роду с *патрин* 'документ', см. № 35), от *чячюнó* 'истинный, настоящий, правильный' [Баранников, Сергиевский 1938: 148; Деметер 1990: 171]; «**кхунано**» – *кхурорó?* (м. р.) 'жеребенок, жеребчик' [Баранников, Сергиевский 1938: 66]. Эти предположения основаны на вероятном смещении в записи букв: г – ч, н – и, н – р. Качество записи не позволяет прочесть фразу, но на фоне массы других цыганских новелл в дефектных фиксациях этих совпадений достаточно для предположения о том, что и № 10 отражает цыганскую речь.

11) А.П. Баранников отметил: «Подобным же образом **отружинды** в выражении **лак мищано отружинды** 'воровать от своей шайки цыган' ошибочно вместо **отруменды** или **отрумендыр**, так как цыганская форма 'от цыган' или 'у цыган' будет звучать соответственно *гомэндир, гомэнде*» [Баранников 1931: 146], ср.: «**Лак мищано отружинды** – воровать от своей шайки цыган» [Потапов 1927: 80]. И в этом случае не представляется очевидной идея о смешении русского и цыганского языков. Фразу целиком можно прочесть и чисто по-цыгански: *лав мищипо о ромэндыр 'беру добро <у> цыган'. При этом предполагается, что «**Лак**» соответствует цыганскому *лав* 'беру'; «**мищано**» – *мищыпó / миштыпó 'добро' (ср. выше существительное с тем же суффиксом -ыно: *гадженапо*, № 2), от цыг. *миштó* 'хорошо'; «**от**» соответствует артиклю *о*; «**ружинды**», как и отмечал А.П. Баранников, соответствует цыганской форме отложительного падежа множественного числа от *ром* 'цыган' – *ромэндыр*. Не следует отрывать от этой фразы и объяснение записи «**Мещеню** – брюки» [Потапов 1927: 92]. Можно предположить, что «невыразимые», название которых имело немало эвфемизмов, в данном случае были названы по-цыгански словом 'добро, имущество', что было записано как

*мещипо (фонетически [≈мишчыпó]), а затем переписано с ошибками прочтения, вызванными переразложением элементов между буквами и их визуальным смещением: *ипо – еню*.

12) «**Лары-на-ны** – нет денег» [Потапов 1927: 81], «Выражение л а р ы н а н ы ‘нет денег’, видимо, вместо ‘ловы на ны’. Фраза ‘нет денег’ по-цыгански звучит *lové pa pé*» [Баранников 1931: 146], точнее: **ловоры наны, ловорэ нанэ* ‘денежек нет’, фонетически со стяжением предударных гласных, разделенных только [в]: [л̄ь:ры], как *балава-соро* ‘сальцо’ [бал̄ь:сорб], где [ь:] – долгий гласный, прерывистостью похожий на русский [ь:] в з[ь:]*днб*.

13) «**Настшино** – дамские часы» [Потапов 1927: 101]. В качестве гипотезы можно предложить следующее объяснение: в данном случае отражена запись цыг. (севернорусск.) *на джинбм ‘не знаю’. Можно предположить, что информант не знал, где дамские часы или как их назвать, что и отразилось в реплике *на джинбм*.

Конечный носовой (нередко слабо артикулируемый в ряде цыганских диалектов) в записи **Настшино** никак не отражен средствами русской графики. Кстати, как и в записи английского *come on* ‘давай, вперед’ в том же источнике: «**Камо** – “идите”» [Потапов 1927: 63]. Английская версия представляется нам более приемлемой, нежели объяснение А.П. Баранникова: «В выражении *камо* ‘идите’, мы, видимо, имеем цыганскую фразу *ка те* ‘ко мне’, которая употребляется как призыв: ‘ко мне – идите’» [Баранников 1931: 150]. Однако ‘идите’ – это не только «‘ко мне – идите’», но и ‘от меня’, ‘со мной’, ‘без меня’ и т.д.⁶ Что касается смешения *д – ст*, то оно больше в источнике не представлено. Хотя в принципе смешение рукописного *д* с прямой мачтой, уходящей вниз, и графической группы *ст* (со скорописным *т*, представлявшим собой прямую мачту, уходящую вниз) в почерках того времени вероятно. Чтение написанного без перечеркивания ж как глухого *ш* после выбора чтения *ст* также могло показаться очевидным. Однако, даже если признать возможность чтения *на джинбм за записью **Настшино**, включать его в качестве освоенного цыганизма в лексикон русского арго нет оснований.

14) «**Одец бездуй** – восемь рублей» [Потапов 1927: 106]. Предположительное чтение *бнец без дуй / дуй ‘десять без двух (рублей)’, где первое слово – «**Онец** – 10 рубл<ей>» [Потапов 1927: 107] (тюркское *он* + русск. уменьшительный суффикс *-ёц*), *без* – русский предлог, *дуй* – цыг. ‘два’ в форме русского родительного падежа существительных мужского рода. Странно, что мимо внимания акад. А.П. Баранникова, отметившего *дуек* ‘два’⁷ [Баранников 1931: 148, 149] (цыг. *дуй* ‘два’ + русск. уменьшительный суффикс *-ёк* [’бк]), прошел такой сигнал морфологической адаптации цыганского числительного *дуй* ‘два’ в русской речи как форма родительного падежа *дуй*. Это словосочетание – прекрасный образчик той смеси языков, на которой изъяснялись конные барышники. Структура словосочетания, грамматически оформленного по-русски, соответствует цыганскому *бидуэнгиро дэи* ‘восемь’, букв: ‘без двух десять’, точнее: ‘*бездвушный десяток’.

15) «**Отваить коннит вежанет** – за нами следят [Потапов 1927: 108], может быть: *отвали, *дыкхэна прэ ман[д]э* ‘отвали, смотрят на меня’. Фраза искажена по причине фонетического неразличения звонкого [д] и глухого [т] (ср. выше **крастен**, № 9, 10), визуального смещения **ь – ы**, **т – п**, **в – р** и отражения произношения группы [нд] как [нн] (ср. выше [н’д’] и [н’н’]: **Батенни**, № 1). Опять неясное конечное **-т**, как в № 4.

⁶ Западноевропейский материал в этом словаре порой отражен весьма спорно, напр.: «**Монтеза** – мать» [Потапов 1927: 130] – это скопированная с графическим переразложением *о + з > а* запись *мон трезог, отразившая франц. *mon trésor* ‘моё сокровище’ и передающая оглушение конечного [г] как *з* [γ/h].

⁷ Чтение первого слова исходной записи «**Дуек, дуй** – два рубля» [Потапов 1927: 47] через стадию **дуёк* (**дуёк*) как *дуби* является известной по крайней мере с 1990 г. визуальной ошибкой [Баранников 1990: 10; ТСУЖ 1991: 51; Мокиенко, Никитина 2000: 170; Елистратов 2000: 643; 2005: 645].

Может быть, на какой-то стадии материал подвергся графической русификации? Например, цыг. *охтб* 'восемь' > **акто** [Баранников 1931: 147–148], ср. укр. *а хто* 'а кто'. «Х а н в д ы р е, несомненно, вместо х а н д ы р и, так как по-цыгански понятие 'церковь' выражается словом *kxand'ir'í* в южноцыганском диалекте и *kxang'ir'í* – в северноцыганском диалекте (московском, ленинградском и т.д.)» [Баранников 1931: 146]. Точнее не *-ды-*, а *-ди-* (*-гы-* в *-ды-* не переходит): на месте *kxand'ir'í* было услышано укр. *хан в дірі*, а не русск. *в дыре*. Тогда, может, и эти **-т** являются наивным средством русификации южнорусского (и разговорного укр.) *не* [н'э] > *нет*: **дадолынет** и **вежанет**?

16) «**Простая секедана бакру** – идут арестовывать» [Потапов 1927: 130]. Ср. цыг. (сэрвское): **Прастáйа / прастáһа! С[с]кэдэна! Бáкро!* 'Бежим! Забирают! Козёл!', где *прастáйа* < *прастáга* 'бежим'; *скэдэна* – 3 л. мн. ч. 'собирают' (возможно, зафиксированное с эмфатическим удлинением начального [с]: **сскэдэна*); *бáкро* – вокатив от «**бакрб** м [бакрэ] баран, (*Мар<иуполь>*) козел» [Баранников, Сергиевский 1938: 102, 126, 11]. Эта фраза уникальна по точности фонетической фиксации, однако её толкование никуда не годится. Это еще раз доказывает, что записывавший обладал хорошим слухом, но не всегда мог обращаться за разъяснениями к носителям языка.

17) «**Пучколана отбелить** – ударить в грудь» [Потапов 1927: 132]. Возможно, с учетом произношения *о[д]белить*, на месте русифицированной записи было цыг.: **по* ^о*колына* *воу даб дэла* – укр. 'в груди він стусана дасть' / русск. 'в грудь он ударит', где *по / про* 'на' – безударное [пу]; [п] – возможный носовой («гундосый») призвук перед инициальным заднеязычным; *колына* – мн. ч. от *колын* 'грудь', цыг. *kolín n t chest, breast*; *воу* 'он'; составной глагол *даб дэла* 'бить', **del dab** *v phr* beat.

18) «**Пысоман выджину** – доказан» [Потапов 1927: 133]; «**Форма в ы д ж и н у**, являющаяся в выражении *пы соман выджину* 'доказан', восходит к глаголу *vijínés* 'вызвать, узнать'. Приведенное в третьем собрании выражение должно звучать *pe so maп vijín'á*, и означает в цыганском языке не 'доказан', а 'по чему (на основании чего) он меня вызнал, узнал'» [Баранников 1931: 152]. Скорее калька с украинского: *По чому* (букв. 'на чому') *мене визнано?* = *Пе со ман выджин[дл]б?*

19) «**Пыхвара** – базар» [Потапов 1927: 133]. См. выше № 2.

20) «**Резорава рессор** – задержан» [Потапов 1927: 135], с учетом вольностей графики: **Ме дорáв арéс[с]о*, цыг. **мэ дарáв арéсто / *мэ дарáв вáрэсо*, цыг. 'я боюсь ареста? / я боюсь чего-то?'. Близкое к визуальному смешению прописных рукописных *М – Р* смешение начальных *М – Ж*, думается, можно заподозрить в записи: «**Женоше** – кольцо» [Потапов 1927: 49] < **Реноме?*

21) «**Рунни лубно** – женщина, проститутка, цыганка» [Потапов 1927: 137]; «*ру н н и* 'женщина'» < «*готп'í* 'женщина, цыганка'» [Баранников 1931: 147, 154]. Вторая часть фразы не объяснена, хотя *лубно* – это вокатив от *лубны* 'проститутка'. Слово опущено и в «Русско-цыганском словаре» 1938 г. Фраза в целом представляет собой грубое обращение к жене.

22) «**Савостьика** – много людей» [Потапов 1927: 138]. См. выше № 2.

23) «**Уэкнууро** – милиционер» [Потапов 1927: 170]. Возможно, содержит заимствованное из русского цыг. *кнуро* 'кнур' (например: **воу эк кнуро* 'он <один / некий> кнур') или **тэкнууро*, *тэкнорб* 'маленький'.

24) «**Уэрбайу** – ардом⁸» [Потапов 1927: 170], цыг. *о кхэр барб* – 'большой дом' / 'тюрьма' [Шаповал, Дьячок 1997: 63]. А.П. Баранников приводил в числе синонимов со значением 'тюрьма' в цыганском языке «*ваго khét*» [Баранников 1931: 143], однако эту специфически искаженную запись не опознал. Это попытка фиксации цыганского слова с отражением укающей редукции: [у кхэр бару], а не запись лексического элемента русского арго, сколько-нибудь фонетически адаптированного. Характерно, что придыхательному [kh] не найдено подходящего аналога, то есть звук не идентифицирован; со-

⁸ Советизм *ардом* 'тюрьма' – сокращение от *арестный дом*, ср. искаженное: «**Нардом** – арестное помещение» [Потапов 1927: 100], вне жаргона *нардом* (народный дом) – 'клуб'.

норный [p] записан как й, что является, по всей вероятности, результатом смешения букв p и й при копировании записи (при смешении звуков [p] и [й] мы бы имели в этом источнике *уэрбаю). Вряд ли эта запись сказала бы больше русскому жигану, чем индологу, так что включать ее в число русских арготизмов не следует.

Выборочный подход к материалу помешал А.П. Баранникову заметить, что трудно читаемые цыганские фразы находятся в непосредственной связи с легко читаемыми отдельными словами, описанными в том же источнике. Сплошной анализ фраз позволил увидеть, как на основе их рабочих записей путем не всегда квалифицированной их «нарезки» создавались словарные описания отдельных цыганских слов, входивших затем в алфавитный порядок словаря. Как «постоянными компонентами арга» не являются эти фразы, так и цыганские слова, которые были извлечены из них. Большая часть цыганского материала в словаре 1927 г. не имеет отношения к жаргону русского языка.

II

ОТДЕЛЬНЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В НЕПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЗАПИСИ НА СЛУХ

А) Контаминированные (в записи) числительные

А.П. Баранников делает вывод: «Таким образом в воровском арга мы находим все цыганские числительные до десяти, большую часть числительных от десяти до двадцати и некоторые числительные, означающие десятки» [Баранников 1931: 148]. При обосновании этого вывода А.П. Баранников аналитически выделяет сегменты, которые в словаре 1927 г. самостоятельно не представлены: «т р ы н 'три' (в деш - т р ы н 'тринадцать'), цыг. *tiñ* 'три'», «панч 'пять' (в б и ш т у п а н ч двадцать пять'), цыг. *pañ* 'пять'» [Баранников 1931: 148]. Показательная ошибка «Деш-опачу – четырнадцать» [Потапов 1927: 44], вызванная, вероятно, скачком взгляда при переписывании с *дэшупандж 'пятнадцать' на *дэшуптар 'четырнадцать', исправляется автором статьи без оговорок: «деш о п а н ч у 'пятнадцать'» [Баранников 1931: 148]. Есть основания усомниться в том, что подобные аналитические операции были по силам носителям арга, не владеющим цыганским языком, если они оказались не по силам составителю словаря 1927 г. Заведомо более проблематично признание регулярного использования таких незафиксированных где бы то и когда бы то ни было конструкторов в речи носителей русского арга.

Еще три цыганских числительных отражены в составе не замеченных А.П. Баранниковым контаминированных тюркско-цыганских записей:

25) «Бешпан – 5» [Потапов 1927: 13], повторено в ряде словарей: «БЕШ-ПАН, -а, м. Угол. Пять. ТСУЖ, 19» [Мокиенко, Никитина 2000: 60], а также в искаженном виде: «Беш-паш (башк<ирское>) – пять» [ТСУЖ 1991: 19]; «БЕШ-ПАШ (башк. устар.) – пять рублей» [Дубягина, Смирнов 2001: 35], «БЕ-ПАШ – пять» [Бронников 1990: 2]. Вероятно, это графическая контаминация тюркского и цыганского числительных. Ср. в речи конных барышников: «Бешъ – 5 руб<лей>» [Патканов 1900: 148]; в словарях уголовного жаргона: «Беж, беш – пять рублей» [Потапов 1927: 13; ТСУЖ 1991: 19; Дубягина, Смирнов 2001: 35] и др. А также цыг. (северно-русс.) *пандж* [панч] 'пять' [Баранников, Сергиевский 1938: 88].

О функционировании подобных гибридов в речи завсегдаев конных рынков сведений нет. П.С. Патканов писал: «Для курьева приведем употребительнейшие из выражений и денежный счет конных барышников, представляющие смесь цыганского с русским и татарским» [Патканов 1900: 148]. Однако образчиков таких гибридных числительных не приводит, хотя речь ведет именно о смеси языков. Видимо, в словаре 1927 г. были зафиксированы реплики информанта, приводившего ряды числительных (названий денежных сумм) на трех языках: татарском, цыганском, русском. Однако записавший не всегда сегментировал татарский и цыганский материал. И словарь 1927 г. отразил три случая (скорее всего графической, то есть не используемой в речи) контаминации тюркских и цыганских числительных.

Для объяснения того, как и почему в записи *(беш)панч могло исчезнуть конечное -ч, представляется более продуктивным обратиться не к фонетике, а к графике. Материалы словаря 1927 г. частично переписывались со старой орфографии на новую. При этом не всегда удалось совладать с конечными ерами. Так возникло по ошибке слово *бруй* 'случайно попавший в тюрьму' [Потапов 1927: 19], из прежнего *брусь* 'первый раз, случайно попавший в тюрьму' [Попов 1912: 18]; *гумь* 'извозчик' [Потапов 1927: 19], из *гужь* 'то же' и др. В связи с этим предполагается, что и *бешпанч было прочитано как *бешпанъ*, вследствие чего конечная буква -ч, принятая за букву *-ъ, была отброшена по правилам новой орфографии.

26) Второй пример контаминации числительных также содержит тюркское слово в первой позиции, а цыганское – во второй: «**Ан-деш** – пятнадцать рублей» [Потапов 1927: 8], тюрк. *он* '10' (ср.: тат. *ун* 'десять' [РТС 1991: 129], кирг. *он* 'десять' [КРС 1965: 568]) + цыг. *деш* '10'. В толковании «пятнадцать рублей» на месте ожидаемого 'десять', возможно, нет ошибки: «С 1886 г. вновь стали чеканиться империял [10 р., червонец] и полуимпериял [5 р.], на которых помещается портрет императора. Во время реформы, осуществленной министром финансов С.Ю. Витте в 1897 г., как переходная ступень между монетой старого и нового веса, были выпущены империял и полуимпериял старого веса, но с ценностью в 15 и 7 1/2 рублей, а позже снова чеканились монеты в 10 и 5 рублей, составляющие уже 2/3 и 1/3 империяла» [Спасский 1970: 216]. Так что старый червонец с номиналом 10 рублей после 1897 г. был уже равен 15 новым золотым рублям. Однако после реформ такого рода в речи нередко сохраняется консервативный счет по старому. Барышники, видимо, считали на старые полновесные червонцы, а лексикограф – на новые.

Если же принять возможность визуального смешения б – д в *ан-деш*, то восстанавливается исходное чтение *ан-беш (ср.: «**Онец-беж** – 15 рубл.» [Потапов 1927: 107]). Это не тождественно версии Н.К. Дмитриева, который усматривал в этой записи результат редкостной фонетической ассимиляции: «ан-деш – 15 р. (П<отапов>). Та же форма, что обе предыдущие <т.е. тюркское *он-беж* '15'>, но только здесь этимологическое б ассимилируется с п (прогрессивная ассимиляция)» [Дмитриев 1931: 168]. Впрочем, кроме sporadического произношения *кросс[ф]орд* в русском языке таких случаев не припоминается.

27) Третий пример контаминации содержит цыганское слово в первой позиции и не имеет сегментирования: «**Шелкапчук** – 100» [Потапов 1927: 187], т. е. *шел[-]капчук, цыг. *шел* '100' + тюрк. *капчук*, *капшук* 'мешок, кошель, фигурально – 100 рублей'. Ср. в речи конных барышников: «**Капчигъ** – 100 руб<лей>» [Патканов 1900: 148], «**Капчук** – сторублевый кредитный билет», а также с ошибками: «**Кайгук** – 100 руб<лей>» [Потапов 1927: 65, 63], «**Кайгун** – сто рублей» [ТСУЖ 1991: 80].

Форма представления числительных в записи такова, что единичный характер самих записей не вызывает сомнений. Они не дают оснований считать лексическими единицами арго не только выведенные аналитическим путем *пан, *шел, но и сами гибридные фиксации *ан-деш*, *беш<->пан<ч>*, *шел<->капчук*, поскольку представляют собой слитную или дефисную запись на слух двух синонимов, употреблявшихся в одной позиции: либо *он*, либо *деш* и т.д.

«Отсутствие остальных числительных до ста объясняется, возможно, только неполнотой записей» [Баранников 1931: 148]. Однако при этом возникает вопрос, можно ли считать устойчивым лексическим элементом арго числовой ряд с пропусками, который вообще-то затруднительно использовать при счете. Заметим, что довольно распространенные записи числительных условных языков ремесленников и торговцев обычно воспроизводят полные, заученные ряды десятков, сотен и составных числительных.

Б) Отдельные слова, существенно искаженные в записи

28) «**Гугво** – сахар» [Потапов 1927: 40], ср. цыг. (сэрвское) *гугло* «1. сладкий. 2. м сахар...» [Баранников, Сергиевский 1938: 32]; цыг. (северно-русс.) *гудло* «1. сладкий, вкусный... 2. м сладкое; чай, сахар...» [Баранников, Сергиевский 1938: 32–33; Шаповал,

Дьячок 1997: 62]. Смещение *л – н* в записи «Гугно» могло быть вызвано слуховой ошибкой, спровоцированной ассоциациями с русским *гугнуть*. Ср., однако, и вариативность грамматических форм в цыг. *мангнэ = манглэ* '(они / вы) попросили', где также наблюдается нечеткое противопоставление групп согласных [пн] и [пл].

29) «Джи – иди» [Потапов 1927: 44], ср. цыг. (северно-русс.) *джа* 'иди' [Шаповал, Дьячок 1997: 63], более точное соответствие – цыг. (сэрвское) *джа* 'иди, идешь'. В (цыганско-украинском) диалекте сэрвов представлено твердое [дж] и форма 2 л. ед. ч. *джа* (< **джан* < *джас*) обобщена в качестве единственной формы инфинитива балканского типа: *тэ джа* – букв.: 'да идешь', ср. [Баранников, Сергиевский 1938: 35]. Запись «Джи» вместо **джа* возникла по ошибке при копировании, ср. аналогичное визуальное смешение *а – и*, представленное в записи другого цыганизма в том же словаре: «Гри – лошадь» [Потапов 1927: 39], чтение которого А.П. Баранников закономерно восстановил в виде «г р а (г р и)» и сопоставил с цыг. (сэрвским) *гра* (м. р.) 'лошадь, конь' [Баранников 1931: 155; Баранников, Сергиевский 1938: 32], из **граh* < *грас* < *граст*.

30) «Коло – рубль» [Потапов 1927: 71], ср. цыг. *кало* 'черный' (возможно, переосмысление в цыганском русского арготизма *колесо* 'рубль') [Шаповал, Дьячок 1997: 62]. Думается, эту запись нельзя отрывать от «Экало – 1 руб.» [Потапов 1927: 194]. Последнее А.П. Баранниковым трактуется как (незафиксированное) субстантивированное прилагательное **ekh-al-o* '*единый, целый' от числительного *ekh* 'один': «Что касается э к к а л о '1 руб.', то здесь э к к а л о есть точный перевод русского 'целковый': от цыганского эк (уек [читать йэк/уек. – В.Ш.]) 'один' образовано производное имя при помощи цыганского же суффикса *ю, аю*» [Баранников 1931: 148]. Вероятнее чтение: **эк калó* 'один рубль', букв.: 'один черный'.

31) «Кофа – деньги» [Потапов 1927: 74], ср. цыг. (северно-русс.) *кофо* (м. р.) 'барыш' [Баранников, Сергиевский 1938: 63], а также: «*Кóфу* – барыш, прибыль, процент (м. р.)» [Патканов 1900: 170], цыг. (латышск.) *kófòs* [≈*кофус*] 'profit, gain [доход, прибыль]', ср. нем.: *Kauf m.* 'покупка, купля / buying purchase; bargain, deal [покупка, договор, сделка]' [Manush 1997: 73].

32) «Манижаско – револьвер» [Потапов 1927: 87], вероятно, следует читать **маримаско* 'то, что служит для драки', ср.: *маримаско*, *марима́хко*, 'боевой', посессив от цыг. (влашск.) *маримóс м.* 'драка, битва', от *мар-* 'бей' [Шаповал, Дьячок 1997: 63], а также (ошибочно отнесенное к ж. р.) цыг. (сэрвское) «*маримá** ж = *марибэ м* война; бой» [Баранников, Сергиевский 1938: 71]; *марды́* 'наган' – причастие ж. р. от того же глагола [Язык 2006: 91, № 1662]. Ср. ниже (№ 37): *Сартари*, где также вероятно визуальное смешение букв *н – р*. Наличие (предполагаемого нами в *Манижаско*) смешения букв *ж – м* при записи цыганских слов в словаре 1927 г. отмечает и А.П. Баранников в записи «*лак мищано отружинды*» [Баранников 1931: 146] (см. № 11).

33) «Мещеню – брюки» [Потапов 1927: 92], см. № 11.

34) «Письмари – вши» [Потапов 1927: 118], не исключено, что от цыг. (северно-русс.) *пушуморí* уменьш. к «*пушум ж* блоха» [Баранников, Сергиевский 1938: 110], но еще ближе фонетически цыг. (кэлд.) *pišom n f* flea, *pišotoři* / *пишомóрры* (ж. ед.) 'блошка' [Шаповал, Дьячок 1997: 63].

35) «Потрым – конская карточка» [Потапов 1927: 127], ср. цыг. *патрин* (ж. р.) 'лист, документ' [Шаповал, Дьячок 1997: 63; Баранников, Сергиевский 1938: 89]. Влияние укр. *потримати* 'поддержать' могло сказаться как в речи информанта, так и на восприятии сказанного записывавшим.

36) «Раво – мука, рожь» [Потапов 1927: 133], возможно, цыг. (сэрвское) «*варó** м мука» [Баранников, Сергиевский 1938: 20], с графической или слуховой метатезой, хотя не исключено, что было неверно расслышано цыганское (влашское) с горловым [pp], например: цыг. (кэлд.) *ařo n t* flour, «*аррó м* мука» [Демертер 1990: 29].

37) «Сартари – сундук» [Потапов 1927: 139], ср. цыг. (северно-русс.) «*сынтáри м* сундук» и «*сэлтáри* 'то же'» [Баранников, Сергиевский 1938: 131; Шаповал, Дьячок 1997: 63], впервые: «СундукЪ Сынтари» [Зуев 1787: 180]. А.Ф. Потт имел для описания этого слова только свидетельство из записок В. Зуева и сблизал с *сундук*, что сомнительно:

«*Syntari Kasten* <‘ящик, ларь’> I.69.103. Szuj. <Зуев> – Ngr. σεντούκι, R. сундúkЪ, stammt aus d. Arab. صندوق f. und m. A box, a trunk» <новогр. σεντούκι, русск. сундúkЪ, выводится из арабск. [ṣandûk] ж. и м. ‘ящик, сундук’ > [Pott 184, II: 239].

38) «**Тунарико** – темно» [Потапов 1927: 167]. Ср.: кэлдэрарское, ловарское *tuñáriko* *adj m dark; n m darkness*, от румынского *tuneric* ‘темный’.

39) «**Хапанье** – кровь» [Потапов 1927: 177], вероятно, представляет собой попытку записать звучание цыг. (сэрвского) *h'o panú* [*h'o пан'й] ‘вода’ [Баранников, Сергиевский 1938: 88] с артиклем м. р. *o*. (Ср. «**Укер** – дом» [Потапов 1927: 169], где артикль *o* [y] также написан слитно. А.П. Баранников дает с неоговоренным исправлением: «у к х е р ‘дом’» – «о кхег ‘дом’, где *o* – член муж. рода» [Баранников 1931: 156].) Начальный [h-] в таких позициях возможен в диалекте сэрвов, как и в украинском, на фоне которого он реализуется, ср., например: укр. [h]óci ‘глаза’ в эмфатическом произношении. Конечное **-нье** либо отображает необычную полумягкость [н], расслышанную как [н'й], либо появилось по ошибке при копировании на месте исходного **-ны**.

Толкование ‘кровь’ вместо исходного ‘вода’ – ситуативное, ср. укр. «людська кров не водиця» и т.п. Вряд ли запись *хапанье* ‘кровь’ отражала регулярное словоупотребление в локальном южнорусском или украинском жаргоне 1920-х гг., если она, по всей вероятности, не отражает ни точного звучания, ни точного значения исходного цыганского слова.

40) «**Уиру** – сапоги» [Потапов 1927: 169], с известной долей условности, по причине неточности как формального, так и семантического соответствия, можно сравнить с цыг. (кэлд.) *ripúo n m foot, leg*, *пунррó м* ‘нога, ступня’. Неточности говорят сами за себя: видимо, записавший не слишком ясно представлял, о чем идет речь, и ориентировался на поясняющие жесты.

41) «**Як** – спички» [Потапов 1927: 196], ср. цыг. (северно-русс.) *яг* (ж. р.) ‘огонь’ [Баранников, Сергиевский 1938: 151; Шаповал, Дьячок 1997: 63], цыг. (кэлд.) *йаг / уаг* (ж. р.) ‘огонь’ [Деметер 1990: 76]. Оглушение финальных звонких шумных характерно для северно-русского и ряда других диалектов цыганского языка в России [Вентцель 1964: 36]. Семантический перенос аналогичен отмеченному в арго: «**Огонь** – спички» [Потапов 1927: 106].

Все эти слова представлены в той или иной степени в искаженном виде, поэтому, вероятно, и не были распознаны А.П. Баранниковым. Думается, к этим записям можно применить критерий А.П. Баранникова, сформулированный им по отношению к близкому материалу: «трудно считать их постоянными компонентами арго» на основе единичной и притом весьма сомнительной фиксации.

И в заключение списка рассмотрим два возможных примера переразложения, вызванного, думается, стремлением интерпретировать звучащую цыганскую речь на базе русского языка.

42) «**Ракзура** – жеребец» [Потапов 1927: 134]. Не исключено, что из цыг. (сэрвского) *[r]pa[h] зура[лó] ‘конь сильный’, которое было понято и сегментировано как «ра[γ]зúра – вó!» Выделена и отброшена расслышанная на месте конечного ударного *-ло* якобы русская частица *во*, видимо, как в *буравин* частица *-то* [Шаповал, Дьячок 1997: 63]. Пример смешения [в] и [л] в цыганских словах в том же источнике: «**Балавас** – свинья, свинина» (стоит не по алфавиту, возм. было *балэвас); «**Баллалас** – сало» [Потапов 1927: 10] (также стоит не по алфавиту, на месте *балалас*), ср. цыг. «*bařavás* ‘сало’» [Баранников 1931: 156].

43) «**Буравин** – вино» [Потапов 1927: 21], ср. цыг. (северно-русс.) *бравинта* ж. ‘водка’ [Баранников, Сергиевский 1938: 17; Шаповал, Дьячок 1997: 62], а также: «*Бравинто* – водка (ж. р.)» [Патканов 1900: 161], от нем. *Branntwein* n. ‘водка’ [Manush 1997: 35]. В записи, опубликованной С.М. Потаповым в 1927 г., слово *бравинта* представлено без последнего слога, который, очевидно, был воспринят как русская постпозитивная частица *-то* и отброшен (ср. выше: *ракзура*). Видимо, на записи сказалось сближение по созвучию с *бурый* или *буравить*, что и вызвало появление вставного [y] в

исходной инициальной группе согласных [бр]. Иным путем, независимо от цыганского, немецкое *Branntwein* 'водка' было заимствовано в виде *бравáнда* 'пиво' в аргю, а затем ошибочно включено в некоторые русские областные словари [Бондалетов 1987: 20, 29].

Наличие двух взаимно подкрепляемых примеров отождествления ударных конечных слогов цыганских слов с русскими частицами *во* и *-то* указывает на то, что записывавший не просто фиксировал звучащую речь, но и пытался ее осмыслить, пусть и своеобразно. Ср. также *долы-но*, где можно заподозрить попытку выделения русского союза *но*, и *лары-на-ны*, где можно усмотреть попытку понимания цыг. *на-ны* 'нет' как '(начинается) на (букву) *ны* (*эн*)', то есть 'нет'.

А.П. Баранников заключил: «Элементы, вошедшие в аргю, принадлежат двум разным цыганским диалектам, северному – великорусскому и южному – украинскому» [Баранников 1931: 158]. Значительное присутствие в источнике 1927 г. слов и фраз сэрвского диалекта цыганского языка не может не вызвать ряд вопросов. Выше мы отметили, что в словаре 1923 г. С.М. Потапов не отметил ни одного слова, которое можно было бы идентифицировать с этим диалектом. Это тем более странно, что его длительная и успешная карьера криминалиста до 1922 г. была связана с Киевом. Естественно было бы ожидать, что хотя бы некоторые заимствования из украинского (сэрвского) цыганского диалекта в местный уголовный жаргон могли бы быть им зафиксированы во время пребывания на Украине, однако это не так (единственное слово *раклó* – не арготизм, а регионализм). Не отметил их (за исключением *бульда* и, вероятно, *хавать*) и пристав В.М. Попов, также служивший в Киеве [Попов 1912]. Хотя цыгане-сэрвы, давно перешедшие к оседлости, легко делились сокровищами своего «бедного, звучного» диалекта с любопытными. Видимо, это и позволило одномоментно и без труда включить все эти сокровища в словарь жаргона в середине 1920-х годов.

М.В. Сергиевский и А.П. Баранников в своем «Цыганско-русском словаре» 1938 г. и других работах по цыганскому языку исходили из того, что при научном описании диалектов и создании литературного языка цыган в СССР достаточно учесть различие между северными (великорусскими) и южными (украинскими) цыганскими диалектами. Так А.П. Баранников писал в очерке «Об особенностях диалектов южных (украинских) цыган»: «Мои наблюдения последних 10–15 лет выявили факт, давно известный самим цыганам, но неизвестный науке цыгановедения, а именно, факт значительных различий между северными и южными цыганскими диалектами» [Баранников, Сергиевский 1938: 181]. Исходя из этой бинарной диалектологической схемы, был описан и лексический материал в словаре, что было шагом вперед для науки того времени, но привело к известному упрощению при описании наличного материала. Не были еще изучены другие многочисленные диалектные группы цыганского языка в России и СССР (см., напр. [Вентцель, Черенков 1976]).

В частности, в отвалах «исковерканных» записей цыганских фраз в словаре 1927 г. можно также вычленил лексический материал диалекта влашской группы (скорее кэл-дэрарского), что и было предпринято выше со всеми предосторожностями, диктуемыми особенностями материала: *дур ашиля́н! 'отстань!'; *лишомо́рры 'блошка'; *варрó 'мука́'; туня́рико 'темно'; *⟨п⟩унррó м 'нога, ступня'; *битиндэ грастéн 'продавшие / продали лошадей'. Ни одно из этих слов не было воспроизведено точно в словаре 1927 г., все они реконструируются на основе критики записей. В одних случаях расхождение между записью (*туяарико*) и звучанием (*туня́рико*) незначительно, но в большинстве случаев оно почти критично для распознавания слова. Понятно, что это было предпринято нами не для того, чтобы пополнить список русских арготизмов словами цыганского происхождения. Этот анализ был призван показать, что в статье А.П. Баранникова 1931 г. выводы сделаны на основе разбора лишь более «прозрачной» части цыганских записей. Если же не игнорировать и «призрачную» их часть, то нельзя не признать, что «цыганские элементы» словаря русского жаргона 1927 г. в массе своей к собственно русскому жаргону отношения не имеют.

Одним из важных показателей освоенности заимствованного слова является его морфологическая адаптация. Дополнительные аргументы в пользу вывода о иноязычных вкраплениях дает отсутствие морфологической адаптации существительных женского рода, оканчивающихся на *-ы*, *-и*: «**Горуни** – корова» [Потапов 1927: 38], чтение А.П. Баранникова: «горони» < цыг. «*guruŋi* ‘корова’»; «*г р а с н и* ‘кобыла’» < цыг. «*grasn’i* ‘кобыла’»; «рунни» < цыг. «*ronn’i* ‘женщина, цыганка’» [Баранников 1931: 147, 155]; «**Санакуни** – золото» [Потапов 1927: 139], «*с у н а к у н и* ‘золото’» [Баранников 1931: 155], точнее – ‘золотая’.

Подобные цыганские слова, будучи заимствованы в славянский язык, обычно адаптируются морфологически, например, используются в форме цыг. косвенного падежа с окончаниями *-а*, *-я*. Ср.: «Цыгански думи от женски род, завършващи на гласна или съгласна, добиват окончания *-а* или *-я*. Например: *бория*, *дая*, *кабния*, *минджа*, *пеня*» < Цыганские слова женского рода, оканчивающиеся на гласную или согласную, получают окончания *-а* или *-я*. Например: *бория* < *бори* ‘невеста’, *дая* < *дай* ‘мать’, *кабния* < *кхабны* ‘беременная’, *минджа* < *миндж* ‘vulva’, *пеня* < *пхэн* ‘сестра’ > [Костов 1956: 423]. Отмеченное с некоторым сомнением в 1899 г. П.Н. Тихановым у черниговских нищих «*гряя?* – лошадь» [Тиханов 1899: 97] (ж. р.) восходит, видимо, к цыг. северно-русскому «*грай м* [<мн. ч.> *грая*] конь, лошадь» [Баранников, Сергиевский 1938: 32]. В недавно опубликованном В.Д. Бондалетовым «Словаре офенского языка» В.И. Даля 1854 г. находим «*Чъхяя – дъвушка*» [Бондалетов 2004: 340], кстати, не отмеченное В.И. Далем в соотнесительном «Русско-офенском словаре» 1855 г. на *Дъвка*, *Дъвушка*, *Дъвченка* [Бондалетов 2004: 370]. Наличие в этом случае подчеркнуто ясно обозначенного мягкого придыхательного [ç’h] создает серьезные проблемы для локализации заимствования: во всяком случае это не цыганское северно-русское «*чяй ж* [<мн. ч.> *чяя*] дочь, девушка-цыганка» [Баранников, Сергиевский 1938: 148], где нет особой фонемы [çh], и не сэрвское, где [чх] – твердое. Кроме того, это цыганское слово относится только к девушкам-цыганкам, в противоположность представительницам других этносов. Вместе с тем даже в единичных фиксациях *гряя* и *чъхяя* налицо морфологическая адаптация существительных женского рода.

Ряд глаголов, представленных в русском грамматическом оформлении: *дохать* ‘убить’, *драберить* ‘играть в карты’ (с не оговоренным исправлением: «*Даберить* – играть в карты» [Потапов 1927: 41]), *марать* ‘убивать’, *чардовать* ‘красть» [Баранников 1931: 151–152], **потырдать* ‘покурить’ – был услышан, вероятно, от тех же двуязычных цыган, от которых записаны фразы. За исключением *хавать* ‘есть, кушать’ они так и остались известными лишь по этой локальной фиксации.

Внимательный анализ каждого случая включения в словарь 1927 г. искаженного цыганского слова или фразы, не распознанных А.П. Баранниковым, приводит к выводу о том, что эти записи отражают результаты наблюдений над цыганской речью человека, не владевшего цыганским языком. Этот слой цыганского материала еще раз подтверждает вывод о том, что достаточно случайные единичные непрофессиональные записи слов и фраз на цыганских диалектах включены в словарь русского жаргона 1927 г. без достаточных оснований. Статистическая оценка как исходного списка А.П. Баранникова, так и уточненного списка, с точки зрения оценки влияния цыганского языка на лексику русского арго, в принципе не может быть релевантна. Однако выявление новых слов, ранее не распознанных в источнике, помогает не только уточнить цыганские диалекты, материал которых был введен в словарь 1927 г., но также и найти дополнительные аргументы в пользу того, что в словаре 1927 г. подавляющую часть цыганского материала составляют записи слов, извлеченных из цыганской, а не арготической русской речи. Исследователями и ранее отмечалась опасность фиксации в качестве якобы арготизмов «чисто цыганских элементов, а не ассимилированных заимствований» («*di rugi elementi zingarici, anziché di prestiti assimilate*») [Cortelazzo 1975: 32].

Это особенно ясно в свете того, что за три четверти века статус подавляющего большинства этих уникальных цыганских записей в жаргонной лексикографии не изменился. Они остаются гапаксами, представленными только в словаре 1927 г. Лишь некото-

рые из них были повторены в словарях, вышедших в свет после стереотипного переиздания словаря С.М. Потапова 1927 г. [Потапов 1990], под явным его влиянием. Современные российские цыгановеды, для которых цыганский язык является родным, также оценивают аргументы и выводы этой статьи А.П. Баранникова весьма скептически, полагая, что «число подтасовок слишком велико для научного труда» [Демертер, Бессонов, Кутенков 2000: 149, 314].

Вместе с тем и ряд этимологических решений А.П. Баранникова нуждается в уточнениях с учетом выявленных выше особенностей источника 1927 г., что также объективно сокращает список выявленных «цыганских элементов».

«В аргю дается местоимение 3-го лица: в а и а ‘он, она’; в южноцыганском диалекте ‘она’ звучит *voj*, ‘он’ *voč* и ‘они’ *voné*. Видимо, на основе этих цыганских форм местоимения развилась форма аргю» [Баранников 1931: 147, 149–150]. Запись «Вана – он, она» [Потапов 1927: 23], думается, возникла, как и рассмотренное выше *ixень* ‘брат, сестра’ (см. № 2), в результате некорректной «нарезки» украинского «*він, вона – он, она», записанного акающим человеком.

«Форма *к о м ы л* ‘украл’, видимо, восходит к цыганскому глаголу *te kamés* ‘хотеть, любить’. Цыганская форма *kamél* означает собственно ‘любит, хочет’» [Баранников 1931: 153]. Остается необоснованным разноречие в грамматических значениях времени. Вместе с тем у С.М. Потапова «*Комыл* – украл» [Потапов 1927: 71] (**помыл*) и «*Киславка* – бритва» [Потапов 1927: 67] (**писаловка*) надежно соотносятся с «*Помыгть* – взять у спящего; украсть почти на глазах» [Потапов 1927: 124] и «*Писалка* – лезвие бритвы, бритва, нож карманника» [Потапов 1927: 117].

«Глагол *р о д и т ь* ‘раскрывать дело’, звучащий совершенно по-русски и семантически допускающий возможность русской этимологизации, по-видимому, восходит к цыганскому *te godés* ‘искать, находить’» [Баранников 1931: 152]. Вообще цыганский глагол *rodél* означает только ‘искать’ (процесс), ‘найти’ же (результат) будет *латхэл, аракхэл*. Думается, вероятность русской этимологии этого глагола из аргю следователей заведомо выше цыганской.

По поводу слова «*Чувиха* – проститутка» [Потапов 1927: 184] А.П. Баранников замечает: «*čavó* ‘мальчик’, следовательно *чувиха* означает ‘мальчишка девочка’ (в смысле ‘проститутка’)» [Баранников 1931: 154]. Эта версия семантически слабо обоснована. Сегодня и предполагавшееся прежде нами «выведение рус<ского> аргот<ического> *чувак* из цыг. *чяво*» [Дьячок, Шаповал 1988: 52–53] представляется сомнительным также по причине семантических трудностей переноса наименования с ‘цыганского парня’ на просто ‘парня’. Нейтрализация этой важной с точки зрения цыганского мировосприятия понятийно-оценочной оппозиции маловероятна. Е.С. Отин трактует слово *чувак* как заимствование из болгарского [Отин 2006: 326–327].

Альтернативные этимологические версии заметно сокращают список арготических цыганизмов как раз в той части, которая документирована нередко и источниками до 1927 г. Рассмотрим предварительно лишь некоторые из них, чтобы только показать объем проблемы, поскольку этимологии нецыганских слов, объявленных цыганскими, заслуживают индивидуального и подробного исследования. Например: «*б е т а* ‘барышня’ < «инд. *beṭī* ‘девочка’, в наличных цыганских говорах не известно, но могло быть случайно не зарегистрировано» [Баранников 1931: 154]. Однако исконный церебральный [t] дал бы в цыганском сонорный (вibrant), будь даже это слово и зафиксировано. Ср., например, соответствие *bāṭ* (м.) ‘жернов’ в хинди и цыг. (северно-русского) с переднеязычным [p] *бар* (м.), цыг. (кэлдэрарского) с заднеязычным [ʃ] *барр/баř* (м.) ‘камень’ [Manush 1997: 29; Valtonen 1972: 24]; либо с [л]: цыг. (северно-русское) *джюкэл* (м.) ‘пёс’ – снскр. *jukūṭa* (м.) ‘пёс’ [Manush 1997: 55] и др. Вместе с тем в русских условных языках имеется указательное местоимение с «маскирующим» начальным *б-*, например: «*Бётотъ* (гал<ичское>) – этотъ» [Бондалетов 2004: 244]. Правдоподобно, что форма женского рода могла быть переосмыслена как наименование барышни, отраженное С.М. Потаповым.

«Формы *де к а т ь* ‘дать’, ‘давать’ и *д и к н и* ‘дай’ восходят к цыганскому глаголу *te dės*, который обозначает ‘дать, давать’» [Баранников 1931: 150]. Но не учтены, например, варианты *дзикать*, *дзекать*, *дэчить*, *дякать* в условных языках русских нищих и ремесленников [Романов 1901: 28; Бондалетов 1987: 76], польское арготическое *dziaczyć* ‘dawać’ и др. [Estreicher 1903: 90, 21, 79; 73, 92], которые трудно возвести к цыг. корню *de-* ‘дай’.

«Образования от глагола *te xas* с русским префиксом имеем в формах *з а х а м н и т ь*, *з а х а м н и ч а т ь* ‘задержать, взять и не отдать’, *з а х а м и т ь* ‘зажиливать, зажуливать’. В цыганском языке этим глаголам соответствует *te захás* ‘заесть, зажилить’» [Баранников 1931: 151]. Однако «**Захамничать**, – взять и не отдать, **ар<е>с<тантское>**» [Попов 1912: 37], ‘то же’ без пометы **арс.** [Потапов 1923: 19, цит. по: СРВС 1983, II: 179]; «**Захамить, захамничать** – задержать; взять и не отдать» [Потапов 1927: 56] более надежно интерпретируются как производные от *хам*.

Якобы цыганизм *лярва* ‘проститутка’ [Баранников 1931: 154] Б.А. Лариным рассматривался как латинизм [Ларин 1931: 120]. Это решение косвенно усиливается наличием этого слова в словарях, практически свободных от цыганского материала: «**Лярва**. См. *бедка*.» [Такъ по «*музыкѣ*» московскихъ тюремъ называется всякая торгующая собою женщина. Въ западныхъ тюрьмахъ зовется она также «*курвою*» и «*лярвою*» <...>]» [Трахтенберг 1908: 36, 6]; ‘то же’ с пометами «**арс. зап.**» (арестантское, западное) [Попов 1912: 50].

«Кроме этих несомненных заимствований из цыганского языка, возможно, что цыганскому языку обязан арготический глагол *ха в и р*, для которого дается значение ‘посторонний человек’. В цыганском языке имеется порядковое числительное *av’ig, aver, vav’ig, hav’ig*, имеющее значение ‘другой, второй’» [Баранников 1931: 148]. Однако в том же сборнике это слово и не изолировано, а в составе гнезда отнесено к *гебраизмам* (עַרְבִי ‘друг’) [Фридман 1931: 137].

«Глагол *х а н д ы р и т ь* ‘ходить’ есть образование от слова *khandir’i* ‘церковь’ и буквально означает ‘ходить по церквам’, а не просто ‘ходить’» [Баранников 1931: 153]. Эта версия не учитывает иные созвучные глаголу *ходить* варианты со вставным *-н-*, представленные в условных языках: *хандáть*, *хандать*, *ханжить*, *хантатъ*, *хáньжить* ‘ходить’ и др., см. [Бондалетов 1967: 237–238].

«**Шурье** – краденые вещи» [Потапов 1927: 193]. Возведение к цыг. «глаголу *te čogės* ‘красть, воровать’» [Баранников 1931: 147] фонетически неприемлемо, поскольку в этом корне представлен инициальный [č], который никогда не переходит в [š], в отличие от придыхательного [čh] во влашских диалектах. В то же время слово *шур* ‘вор’ (<*шу-* + <*во*>*p*?) и значительное гнездо производных давно и широко известно в русских условных языках [Бондалетов 1967: 239].

Вопрос о степени укоренности и употребительности рассмотренных цыганских слов в русском жаргоне А.П. Баранниковым не ставился. Представленные почти исключительно в «Словаре жаргона преступников» 1927 г. [Потапов 1927], а порой и реконструированные по дефектным записям самим автором статьи лексические «цыганские элементы» в количестве более ста единиц были зачислены в состав воровского арготического списка. Это не может не вызывать сомнения и вопросы, на часть из которых была сделана попытка найти ответы в настоящей статье. Среди них не было и не могло быть вопроса о количестве реальных заимствований из цыганского языка в русский, в том числе в территориальные и социальные диалекты последнего. Ответ на него может быть получен только после предварительной критики и оценки всех накопленных материалов, которые хронологически относятся и к периоду до 1931 года и к последующему времени. Выше же была рассмотрена только наиболее основательная с лингвистической точки зрения попытка анализа заимствований из цыганского языка в русский язык (на материале криминального арготического). Примененные при этом методы анализа не дают оснований согласиться с основным выводом автора: большая часть «цыганских элементов», рассмотренных в статье 1931 г., оказывается иноязычными вкраплениями без следов адаптации к русскому языку.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баранников 1931 – *А.П. Баранников*. Цыганские элементы в русском воровском аргю // *Язык и литература*. Т. VII. Л., 1931 [<http://www.philology.ru/liloro/tomano.htm>].
- Баранников, Сергиевский 1938 – *А.П. Баранников, М.В. Сергиевский*. Цыганско-русский словарь / Сост. А.П. Баранников, М.В. Сергиевский. М., 1938.
- Бондалетов 1967 – *В.Д. Бондалетов*. Цыганизмы в составе русских условных языков // *Язык и общество*. Саратов, 1967.
- Бондалетов 1987 – *В.Д. Бондалетов*. Арготизмы в словарях русского языка. Рязань, 1987.
- Бондалетов 1992 – *В.Д. Бондалетов*. Финно-угорские заимствования в русских аргю. Самара, 1992.
- Бондалетов 2004 – *В.Д. Бондалетов*. В.И. Даль и тайные языки в России. М., 2004.
- Бронников 1990 – *А.Г. Бронников*. 10000 слов: Словарь уголовного жаргона [Пермь, 1990].
- Быков 1994 – *В.Б. Быков*. Русская фея. Смоленск, 1994.
- Быков 2005 – *В.Б. Быков*. Историко-этимологические разыскания Поливанова Е.Д. по русскому субстандарту // *Седьмые Поливановские чтения: Сб. статей по материалам докладов и сообщений конференции*. Ч. I. Социоллингвистика. Лексика и фразеология. Лексикография. Проблемы методики. Смоленск, 2005.
- Вентцель 1964 – *Т.В. Вентцель*. Цыганский язык. М., 1964.
- Вентцель, Черенков 1976 – *Т.В. Вентцель, Л.Н. Черенков*. Диалекты цыганского языка // *Индоевропейские языки*. Т. 1. М., 1976.
- Грачев 1997 – *М.А. Грачев*. Русское аргю: Монография. Нижний Новгород, 1997.
- Грачев 2005 – *М.А. Грачев*. От Ваньки Каина до мафии. Прошлое и настоящее уголовного жаргона. СПб., 2005.
- Даль₁ 1863–1866 – *В.И. Даль*. Толковый словарь живого великорусского языка. Ч. 1–4. М., 1863–1866.
- Даль₂ 1880–1882 – *В.И. Даль*. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. СПб.; М., 1880–1882.
- Деметер, Бессонов, Кутенков 2000 – *Н.Г. Деметер, Н.В. Бессонов, В.Н. Кутенков*. История цыган – новый взгляд. Воронеж, 2000.
- Деметер 1990 – *Р.С. Деметер, П.С. Деметер*. Цыганско-русский и русско-цыганский словарь (кэлдэрарский диалект). 5300 слов / Под ред. Л.Н. Черенкова. М., 1990.
- Дмитриев 1931 – *Н.К. Дмитриев*. Турецкие элементы в русских аргю // *Язык и литература*. Т. VII. Л., 1931.
- Добровольский 1908 – *В.Н. Добровольский*. Киселевские цыгане. Вып. 1. Цыганские тексты. СПб., 1908.
- Добродомов 1996 – *И.Г. Добродомов*. К проблемам русской исторической лексикологии нового времени в трудах В.В. Виноградова // *Русистика сегодня*. № 3/96. М., 1996.
- Дубягина, Смирнов 2001 – *О.П. Дубягина, Г.Ф. Смирнов*. Современный русский жаргон уголовного мира. Словарь-справочник. М., 2001.
- Дьячок, Шаповал 1988 – *М.Т. Дьячок, В.В. Шаповал*. Русские арготические этимологии // *Русская лексика в историческом развитии*. Новосибирск, 1988.
- Елистратов 2000 – *В.С. Елистратов*. Словарь русского аргю. М., 2000.
- Елистратов 2005 – *В.С. Елистратов*. Толковый словарь русского сленга. М., 2005.
- Зуев 1787 – *В.Ф. Зуев*. Путешественные записки Василья Зуева от С.[-]Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 году. СПб., 1787.
- Колесов 1991 – *В.В. Колесов*. Язык города. М., 1991.
- Костов 1956 – *К. Костов*. Цыгански думи в българските тайни говори // *Известия на Института за български език*. Кн. IV. София, 1956.
- КРС 1965 – *Киргизско-русский словарь: Ок. 40000 сл.* / Сост. проф. К.К. Юдахин. М., 1965.
- Ларин 1931 – *Б.А. Ларин*. Западноевропейские элементы русского воровского аргю // *Язык и литература*. Т. VII. Л., 1931 [<http://www.philology.ru/linguistics2/larin-31.htm>].
- Мокиенко, Никитина 2000 – *В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина*. Большой словарь русского жаргона. СПб., 2000.
- Отин 2006 – *Е.С. Отин*. «Все менты – мои кенты...» (Как образуются жаргонные слова и выражения). М., 2006.
- Патканов 1900 – *П.С. Патканов*. Цыганский язык. Грамматика и руководство к практическому изучению речи современных русских цыган / Сост. П. Истомина (Патканов). М., 1900.
- Попов 1912 – *В.М. Попов*. Словарь воровского и арестантского языка. Киев, 1912.

- Потапов 1923 – С.М. Потапов. Блатная музыка. Словарь жаргона преступников. М., 1923 // Собрание русских воровских словарей. Т. 2. New York, 1983.
- Потапов 1927 – С.М. Потапов. Словарь жаргона преступников (блатная музыка). М., 1927.
- Потапов 1990 – С.М. Потапов. Словарь жаргона преступников (блатная музыка). М., 1990.
- Романов 1901 – Е.Р. Романов. Катрушницкий лемезень: условный язык Дрибинских шаповалов // ОРЯС. LXXI. № 3. 1901.
- РТС 1991 – Русско-татарский словарь: Ок. 47 000 сл. / Под ред. Ф.А. Ганиева. 3-е изд., испр. М., 1991.
- Спасский 1970 – И.Г. Спасский. Русская монетная система. Историко-нумизматический очерк. 4-е изд. Л., 1970.
- СРВС 1983 – Собрание русских воровских словарей: В 4-х т. / Сост. Влад. Козловский. New York, 1983.
- Тиханов 1895 – П.Н. Тиханов. Брянские старцы. Тайный язык нищих. Брянск, 1895.
- Тиханов 1899 – П.Н. Тиханов. Черниговские старцы // Труды Черниговской ученой архивной комиссии. Вып. 2. Чернигов, 1899 / 1900.
- Трахтенберг 1908 – В.Ф. Трахтенберг. Блатная музыка («жаргон» тюрьмы). СПб., 1908.
- ТСУЖ 1991 – Толковый словарь уголовных жаргонов. М., 1991.
- Фридман 1931 – М.М. Фридман. Еврейские элементы «блатной музыки» // Язык и литература. Т. VII. Л., 1931 [<http://www.philology.ru/linguistics2/fridman-31.htm>].
- Шаповал, Дьячок 1997 – В.В. Шаповал, М.Т. Дьячок. О цыганизмах в русских арготических словарях первой трети XX века // Русское слово. Тезисы межвузовской конференции. Орехово-Зуево, 1997.
- Язык 2006 – Язык цыганский весь в загадках: Народные афоризмы русских цыган из архива И.М. Андрониковой / Сост., подгот. текстов, вступит. ст. и справочный аппарат С.В. Кучепатовой. СПб., 2006.
- Becker-No 1993 – A. Becker-No. Les princes du jargon. Un facteur négligé aux origines de l'argot des classes dangereuses. Éd. augmentée. Paris, [1993].
- Cortelazzo 1975 – M. Cortelazzo. Voci zingare nei gerghi padane // Linguistica. T. XV. In memoriam Šfamko Škerlj oblata. Ljubljana, 1975.
- Estreicher 1903 – K. Estreicher. Szwargot więzienny. Kraków, 1903.
- Horbatsch 1978 – O. Horbatsch. Russische Gaunerschprache. Frankfurt-am-Main, 1978.
- Leschber 1997 – C. Leschber. Romani lexical items in colloquial Rumanian // Y. Matras (ed.). Romani in contact. The history, structure and sociology of a language. Amsterdam, 1997.
- Manush 1997 – L. Manush. Romany-Latvian-English etymological dictionary. Riga, 1997.
- Pott 1845 – A.F. Pott. Die Zigeuner in Europa und Asien. Bd. I–II. Halle, 1845.
- ROMLEX – Romani lexicon // [Электронный ресурс:] <http://romani.uni-graz.at/romlex>
- Valtonen 1972 – P. Valtonen. Suomen mustalaiskielen etymologinen sanakirja. Helsinki, 1972.
- Wolf 1956 – S.A. Wolf. Wörterbuch des Rotwelsch. Deutsche Gaunerschprache. Mannheim, 1956.